

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.22/23

Общественная опасность как основной признак преступления и инструмент дифференциации уголовной ответственности**Е. Ю. Сергеева¹** ✉

¹Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС
ул. Московская, 164, г. Саратов, 410012, Российская Федерация

✉ e-mail: elena_s33@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье рассмотрены вопросы материального и формального подходов к определению понятия преступления, что представляется актуальным в связи с появлением в уголовном законодательстве «административно-преюдиционных клонов» и с законодательными инициативами о введении понятия «уголовный проступок».

Цель – обосновать необходимость понимания общественной опасности как фундаментального признака преступления и основы дифференциации преступлений и уголовной ответственности.

Задачи: изучить историю подходов к определению понятия преступления и соотнести их с современными задачами и принципами российского уголовного законодательства; определить значимость общественной опасности в отечественном уголовном праве; проанализировать зависимость дифференциации преступлений от характера и степени их общественной опасности.

Методология. Методологическую основу исследования составили методы диалектики как общенаучного метода познания, а также такие частнонаучные методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-логический, метод правового моделирования в их различном сочетании.

Результаты. Общественная опасность позволяет разграничить понятия «правонарушение» и «преступление», а это специфический уголовно-правовой признак. Он же, в свою очередь, является определяющим и для разделения преступлений на категории (в Общей части УК РФ), и на составы преступлений (в Особенной части УК РФ).

Вывод. Общественная опасность является основным признаком преступления и лежит в основе дифференциации как преступлений (общая дифференциация), так и его составов (специальная дифференциация).

Ключевые слова: общественная опасность; преступление; уголовный проступок; административная преюдиция; дифференциация преступлений; дифференциация уголовной ответственности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сергеева Е. Ю. Общественная опасность как основной признак преступления и инструмент дифференциации уголовной ответственности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 19–30.

Поступила в редакцию 21.12.2020

Принята к публикации 20.01.2021

Опубликована 26.02.2021

© Сергеева Е. Ю., 2021

Public Danger as the Main Feature of a Crime and a Tool for Differentiating Criminal Liability

Elena Y. Sergeeva¹ ✉

¹ Povolzhsky Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
164 Moskovskaya str., Saratov 410012, Russian Federation

✉ e-mail: elena_s33@mail.ru

Abstract

Relevance. This article deals with the issues of material and formal approaches to the definition of the concept of a crime, which is relevant in connection with the emergence of "administrative-prejudicial clones" in criminal legislation and with legislative initiatives to introduce the concept of "criminal minor offense".

The purpose: to substantiate the need to understand public danger as a fundamental feature of a crime and the basis for the differentiation of crimes and criminal responsibility.

Objectives: to study the history of approaches to the definition of the concept of crime and to correlate them with modern tasks and principles of Russian criminal law; to determine the significance of public danger in domestic criminal law; to analyze the dependence of the differentiation of crimes on the nature and degree of their public danger.

Methodology. The methodological basis of the research was made by the methods of dialectics as a general scientific method of cognition and such private scientific methods as formal legal, comparative legal, historical and logical, the method of legal modeling in their various combinations.

Results. Public danger allows you to distinguish between the concepts of "offense" and "crime", which means that this is a specific criminal-legal feature. He, in turn, is crucial for the division of crimes into categories (in the General part of the criminal code), and the crimes (in the Special part of criminal code).

Conclusion. Public danger is the main feature of a crime and underlies the differentiation of both crimes (general differentiation) and its components (special differentiation).

Keywords: public danger; crime; criminal minor offense; administrative prejudice; differentiation of crimes; differentiation of criminal responsibility.

Conflict of interest: The author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sergeeva E. Y. Public Danger as the Main Feature of a Crime and a Tool for Differentiating Criminal Liability. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(1): 19–30. (In Russ.)

Received 21.12.2020

Accepted 20.01.2020

Published 26.02.2020

Введение

Как известно, современное российское уголовное законодательство определяет понятие «преступление», используя формально-материальный подход: это виновно совершенное общественно опасное (материальный признак) деяние, запрещенное уголовным кодексом (формальный признак) под угрозой наказания. Лаконично, ёмко, понятно. Каждый признак обладает обязательным статусом:

виновность, общественная опасность, уголовная противоправность и наказуемость. Только при наличии их всех в совокупности можно говорить о том, что данное деяние является преступлением.

Вина, как принцип уголовного права, субъективный признак преступления и состава преступления, пронизывает Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) «красной нитью», скрепляя его.

Однако хотелось бы остановиться на не менее значимых, но объективных характеристиках – общественной опасности и уголовной противоправности, которые «состязаются» в важности на протяжении всей истории отечественного уголовного законодательства. Именно они на сегодняшний день подвергаются «законодательной атаке», цель которой благородна и соответствует стремлению государственной политики усилить дифференциацию уголовной ответственности за счет выделения группы преступлений с невысокой степенью общественной опасности. Соответствуют ли выбранные средства такой цели?

Так, в 2009 г. в российский уголовный закон вернулась административная преюдиция и с каждым годом подобных уголовно-правовых норм становится все больше.

В продолжение мер по гуманизации уголовного законодательства Верховный Суд РФ с 2017 г. выступает с законодательной инициативой о введении в УК РФ понятия «уголовный проступок», предлагая выделить наименее опасные по своему характеру преступления, за которые закон не предусматривает наказание в виде лишения свободы, и совершенные впервые.

Таким образом, в основе определения преступлений, ответственность за совершение которых может быть наименее суровой в рамках уголовного законодательства, лежит материальный признак деяния – общественная опасность, ее характер и степень.

Методология

Методология исследования представлена всеобщим методом – материалистической диалектикой при рассмотрении уголовно-правовых явлений в их развитии и в конкретно-исторической ситуации; общенаучными: анализом, синтезом, системным и функциональным подходами при раскрытии существенных признаков преступления, а также диффе-

ренциации уголовной ответственности; частнонаучными, в том числе статистическим, методом правового моделирования; частноправовым формально-юридическим методом – при изучении технико-юридической и нормативной стороны общественной опасности преступных деяний.

Результаты и их обсуждение

Наличие общественной опасности как основного признака преступления (материальный подход) является классическим для русского/советского/ российского уголовного права, согласно которому без причинения вреда социально значимым интересам и благам или угрозы его причинения не может быть и преступления. Формальный подход присоединился значительно позже, дополнив материальную характеристику деяния, а благодаря появлению и распространению нормативистской теории права, суть которой заключалась в главенстве правовых норм, стал фундаментальным признаком преступления в Уголовном уложении 1903 г. Пожалуй, в истории отечественного законодательства это единственный нормативный акт, исключаяющий материальную сущность из характеристики преступления.

Одним из сторонников приоритетности формального признака был великий русский ученый, виднейший представитель классической школы русского уголовного права, один из основных разработчиков и составителей Уголовного уложения 1903 г., профессор Санкт-Петербургского университета Николай Степанович Таганцев (1843–1923). Обратимся к некоторым его комментариям, сделанным в рамках издания 1904 г. «Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный совет и журналов – особого совещания, особого присутствия

департаментов и общего собрания Государственного совета».

Статья 1 Уголовного уложения 1903 г. звучала так: «Преступным признается деяние, воспрещенное, во время его учинения, законом под страхом наказания» [1, с. 1]. «Воспрещение законом» (противоправность) как обязательный признак преступления, по мнению Н. С. Таганцева, имело одновременно тройное значение и заключалось в отграничении преступления от других правонарушений, установлении юридического основания ответственности – обязанности каждого безусловно подчиняться предписаниям закона, а также для определения предела власти суда, устраняя возможность наказывать за поступки, сходные с преступлениями, но не являющиеся таковыми (запрет применения закона по аналогии).

Ценность такой трактовки неоспорима. Она, безусловно, дополняет современное понятие «преступление». Однако формальная определенность, как известно, является неотъемлемой характеристикой права вообще и поэтому присуща не только уголовному законодательству. Трактовать запрещенность тем или иным нормативным актом как единственную разницу между отраслями права, а соответственно вида юридической ответственности представляется недостаточным.

Классическими являются слова Ч. Беккариа: «истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу» [2, с. 98]. Именно он повлиял на становление понятия «преступление» в российском уголовном законодательстве. Половина статей «Наказа» от 30 июля 1767 г., посвященных уголовному праву, были позаимствованы Екатериной II у Ч. Беккариа, его известнейшей работы «О преступлениях и наказаниях». Впервые было сформулировано понятие «преступление», под которым понималось не только нарушение закона, но и действие, причинившее вред государству.

Возвращаясь к аргументам Н. С. Таганцева, надо сказать, что он считал объектом преступного посягательства норму права, а не охраняемые законом блага, интересы, общественные отношения. По его утверждению, причинение вреда обладателю реального права составляет только средство, а не сущность преступления. Оно играет в уголовном праве роль второстепенную, т. к. сущность преступления составляет выраженная этим путем решимость воли нарушить требования государства о неприкосновенности юридического порядка, а поэтому и страдает от преступления всегда государство как охранитель господства права [3, с. 175].

Тем не менее примечательно, что для разработки Уголовного уложения 1903 г. и, соответственно, для замены им Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, одним из указаний разработчикам было «не включать в проект нового уголовного уложения те из проступков по службе государственной и общественной, которые заключаются в нарушении исключительно служебных обязанностей и, по маловажности своей, не подлежат внесению в общее уложение, а должны войти в особый дисциплинарный устав» [1, с. 12]. Надо сказать, что это было не единственное пожелание отграничить правонарушения от преступлений, но, как видно, основная причина заключается в «маловажности», т. е. невысокой степени общественной опасности деяния. Следовательно, уголовная ответственность должна наступать только за те деяния, которые представляют общественную опасность. Такое отграничение преступления от правонарушения должно происходить на этапе законодательного его закрепления или, как верно отмечает Л. М. Прокументов, являться основанием криминализации деяний [4, с. 18]. На первый

взгляд может показаться, что после этого общественная опасность становится второстепенной, т. к. подпадает под самодостаточный признак – уголовную противоправность.

Однако и за каждым преступным деянием стоит разный по характеру и степени общественной опасности возможный или причиняемый вред. Нельзя ставить на одну ступень, например, моральный вред как следствие клеветы и физический в результате причинения тяжкого вреда здоровью человека. Хотя, казалось бы, и то и другое является преступным деянием. В этой связи особенно ценной новацией действующего УК РФ представляется классификация преступлений на категории. Правда, частые законодательные «совершенствования» ст. 15 УК РФ ставят под сомнение четкость позиции государства. Об этом чуть позже.

Не будет оригинальным замечание, что уголовный закон не дает определения общественной опасности, хотя данное словосочетание встречается в УК РФ довольно часто: характеризуя принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), определяя время совершения деяния (ст. 9 УК РФ), являясь одним из необходимых признаков преступления (ст. 14 УК РФ), критерием деления преступлений на категории (ст. 15 УК РФ) и т. д.

Рассмотрим буквальное толкование следующих составляющих анализируемой правовой категории: общественная, опасность и вред.

Общественный (-ая, -ое) – относящийся к обществу, протекающий в обществе, связанный с деятельностью людей в обществе [5, с. 386].

Опасность – возможность, угроза чего-нибудь опасного [5, с. 398], т. е. опасность сама по себе является признаком не только материального, но и формального состава преступления.

Вред – ущерб, порча [5, с. 92] – характеризует общественно опасные последствия, которые не во всех составах преступления, предусмотренных Особенной частью УК РФ, являются обязательными, но тем не менее являются таковыми с точки зрения Н. Ф. Кузнецовой при характеристике преступления: «...посягательство немыслимо без нанесения ущерба социалистическим отношениям, охраняемым уголовным правом» [6, с. 66].

Такая позиция вытекает из утверждения Н. Ф. Кузнецовой, что преступление в принципе невозможно без причинения ущерба. Фактически, речь идет о тождественности понятий «общественная опасность» и «нанесение ущерба».

Права Н. Ф. Кузнецова, говоря о неразрывной связи объекта и преступного последствия, но нельзя согласиться с ее выводом о том, что «отрицание последствия как обязательного элемента состава приводит к аннулированию и объекта» [6, с. 51]. Как верно отмечено в ее рассуждениях о возможном делении преступлений на «формальные» и «материальные», преступление и состав преступления не совсем тождественные понятия.

Преступление – это характеристика деяния, а состав преступления в большей степени раскрывает его формальный признак – уголовную противоправность – и является основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ).

Состав преступления представляет собой совокупность обязательных объективных и субъективных признаков, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В каждом элементе состава есть признаки, которые обязательны для всех статей Особенной части УК РФ, а есть те, которые становятся таковыми только при их наличии в той или иной диспозиции. Например, для квалификации по ст. 126 УК РФ («Похи-

щение человека») достаточно совершения общественно опасного деяния, посягающего на личную физическую свободу, а для квалификации убийства (с. 105 УК РФ) необходимо, кроме самого деяния, наличие общественно опасных последствий – смерти. Правильное понимание конструкции объективной стороны дает и правильное определение стадии совершения преступления – является ли оно оконченным, что, в свою очередь, влияет на правильную квалификацию, а в дальнейшем – на правила назначения наказания.

Недаром при характеристике объективной стороны преступления термин «общественная опасность» применяется как к деянию, так и к последствию. Нельзя смешивать эти два признака. Поэтому, когда мы говорим об общественной опасности деяния, наиболее точными представляются слова А. А. Пионтковского: «Общественная опасность преступного деяния порождается тем, что оно или непосредственно наносит вред социалистическим общественным отношениям, или заключает в себе возможность причинения соответствующего ущерба» [7, с. 157].

Формализовать качественно-количественную характеристику возможности/опасности причинения вреда с конкретными и измеряемыми параметрами в рамках закона представляется затруднительным и, возможно, излишним. Важнее определиться, наконец, с классификацией преступных деяний. В ее основе, безусловно, лежит характер и степень общественной опасности деяния, последствий, которые, в свою очередь, зависят от объекта посягательства.

Общеизвестно, что объект уголовно-правовой охраны динамичен и зависит от конкретного исторического периода. Так, например, изменения в советское уголовное право внесла Великая Отечественная

война – появились новые составы преступлений (преступления против человечества), увеличено количество военных преступлений, усилена ответственность за хищения и нарушения трудовой дисциплины, установлена уголовная ответственность за уклонение от обучения военному делу [8, с. 27]. Значительно позже, с появлением компьютеров и развитием информационных технологий, в уголовном законодательстве появилась целая глава о преступлениях в сфере компьютерной информации.

Это означает, что необходим постоянный анализ интересов, благ, общественных отношений, складывающихся в современном мире, для выявления и определения нового (актуального) объекта уголовно-правовой охраны через понимание его законодательной защищенности.

Выявление нового объекта невозможно без понимания вероятности и реальности причинения вреда. Поэтому общественная опасность деяния является определяющей как для разграничения понятий правонарушение-преступление, так и для определения категории преступления внутри уголовного законодательства.

Прав профессор Л. М. Прокументов, говоря, что существуют объекты, которые входят в сферу охраны исключительно уголовного права – жизнь, половая неприкосновенность и некоторые другие. Посягательство на такие объекты не могут признаваться малозначительными ни при каких обстоятельствах [4, с. 22].

Тем не менее ч. 2 ст. 14 УК РФ предполагает возможность исключения преступности деяния в силу его малозначительности. Эта малопонятная и неконкретная дефиниция подвергается критике, т. к. допускает со стороны правоприменителя чрезмерную свободу в субъективном усмотрении: есть ли в данном

случае общественная опасность и насколько она достаточна для привлечения лица к уголовной ответственности.

Отсюда неустанные попытки научной общественности создать понятный образ малозначительного деяния как уголовно-правовой категории. Некоторые, к сожалению, нашли отражение в ныне действующем уголовном законодательстве. «К сожалению» – потому, что в попытках дифференциации преступлений или уголовной ответственности не предлагается нечто новое и эффективное, а «сдувается пыль» с существовавших когда-то, но отвергнутых теорией, практикой и законодателем уголовно-правовых институтов.

Например, административная преюдиция, принципиальный законодательный отказ от которой состоялся при принятии УК РФ 1996 г., вновь «тихой сапой» проникла в уголовное законодательство, нанеся ему сокрушительный удар ничем не обоснованным посприемием системообразующих положений. Как никогда кстати вспоминаются ставшие уже афоризмом слова К. Маркса: «...безусловный долг законодателя – не превращать в преступление то, что имеет характер проступка, и то лишь в силу обстоятельств. С величайшей гуманностью должен он исправлять все это, как социальную неурядицу, и было бы величайшей несправедливостью карать за эти проступки как за антисоциальные преступления» [9, с. 131].

Бессистемное, а зачастую и безграмотное вторжение в законодательную ткань не может не повлечь за собой те или иные негативные последствия, которые его авторы, скорее всего, просто не в состоянии предвидеть и просчитать. Это не только, как любой непрофессионализм, не делает им чести, но наносит вред как законодательству, так и практике его

применения. В нашем случае это два вида последствий.

Во-первых, «переплетение» административной преюдиции с понятием «мелкое» преступление. Это ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп» и ст. 291.1 «Мелкое взяточничество».

Само понятие «мелкий» толкуется как небольшой, незначительный по величине, размеру, стоимости [5, с. 305]. Мелкий подкуп и мелкое взяточничество определяют только предельную сумму подкупа/взятки – десять тысяч рублей, а мелкое хищение становится уголовно наказуемым при максимальной сумме похищенного две тысячи пятьсот рублей и наличии административного наказания одновременно. Такой подход исключает возможность признания указанных деяний малозначительными. При этом есть предложение ввести еще понятие «мелкий грабеж», что якобы «будет способствовать дальнейшей дифференциации уголовной ответственности» [10, с. 40]. Похоже, авторам неизвестно, что грабеж является одним из видов хищения, а значит мелкий грабеж ничем не отличается от мелкого хищения. Предлагается также предусмотреть уголовную ответственность за мелкое хулиганство, совершенное лицом, ранее подвергнутым административному наказанию [11, с. 170]. Такая тенденция пугает. Создается впечатление, что большая часть правоприменителей и представителей юридической науки «мерсикают» в ответ на все законодательные инициативы, как гувернантка из рассказа А. П. Чехова «Размазня», вместо того, чтобы, проанализировав нововведения, профессионально, конструктивно их оценить.

Во-вторых, отсутствует единый подход к законодательной формулировке

административной преюдиции. Определяющими могут быть как факт привлечения к административной ответственности, так и назначение административного наказания или неоднократность. Если следовать такой логике, то практически у каждого состава преступления должен появиться «административно-преюдиционный клон». Тогда вопрос о возможности признания какого-либо деяния малозначительным и, соответственно, непреступным решится сам собой. Такая возможность просто исчезнет. Факт повторного совершения административного правонарушения автоматически породит уголовную ответственность, определив, что общественная опасность переходит от деяния к лицу, его совершившему, а это недопустимо. Такое видение противоречит одному из основных направлений российской уголовно-правовой политики – гуманизации уголовного законодательства. Кроме того, ставя возможность привлечения к уголовной ответственности в зависимость от административного правонарушения, законодатель лишает уголовное право самостоятельности.

Можно согласиться с Л. М. Прокументовым, что «в идеале практически каждой уголовно-правовой норме должна соответствовать сходная с ней норма в КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за аналогичное деяние с меньшей степенью опасности» [4, с. 22]. В противном случае продолжится практика привлечения к ответственности за действительно малозначительные деяния. Самым простым примером решения вопроса разграничения правонарушений и составов преступлений, причиняющих имущественный вред, очевиден – установить не только предельное значение величины ущерба в административном законодательстве, но и минимальный – в уголовном. Иначе, сде-

лав это только применительно к административным правонарушениям, нарушается уголовно-правовой принцип законности. Конечно, преступность не всех деяний можно так измерить.

Вместе с тем целесообразно пересмотреть структуру некоторых, так называемых формальных составов преступления, установив ответственность только при условии наступления конкретных последствий. Например, ч. 1 ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» вполне допустимо перевести в разряд административных правонарушений, оставив только материальные составы, которые сейчас являются квалифицирующими.

Судебная статистика сухо демонстрирует формальность, чужеродность ч. 1 ст. 238 УК РФ. Так, в 2019 г. по данной норме было осуждено 1600 человек, а в отношении 532 уголовные дела прекращены «по иным основаниям» (не за отсутствие состава, события преступления и не в связи с непричастностью к преступлению). Данные предыдущих лет по количеству осужденных значительно выше: 2017 г. – 3461, 2018 г. – 2752. Уголовные дела прекращены «по иным основаниям» на стадии судебного разбирательства в отношении 421 человека в 2017 г. и 496 – в 2018 г. Представляется, что данный состав преступления удобен для регулирования статистики «в ручном режиме» – в зависимости от принципиальности правоприменителей можно сделать любую динамику раскрываемости и привлечения к ответственности.

Показательным является пример привлечения к ответственности в 2016 г. таксиста в г. Кемерово за перевозку ребенка без специального удерживающего устройства до поликлиники, т. е. за оказание платной транспортной услуги,

предназначенной для детей в возрасте до шести лет, и не отвечающей требованиям безопасности. Действия формально правильно были квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ. Оказав данную услугу, таксист получил 85 рублей и уголовное наказание – лишение свободы на два года. Мать осужденного дошла до Верховного Суда РФ и в феврале 2017 г. президиум Кемеровского облсуда приговор отменил, направив дело на новое судебное рассмотрение в общем порядке в Центральный райсуд. В результате дело было прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Суд признал право подсудимого на реабилитацию [12]. К сожалению, это не единичный пример, но не всегда дела заканчивались так хорошо.

В последнее время у административной преюдиции появился серьезный конкурент – уголовный проступок.

Законодательная инициатива Верховного Суда РФ о введении понятия «уголовный проступок» в УК РФ побудила многих ученых не только по-новому (или вообще) взглянуть на административную преюдицию, но и вспомнить, что сущность общественной опасности, ее значение в уголовном праве являются основополагающими. Всплеск публикаций научных статей, которые вспоминают генезис проступка, соотносят его с преступлением в современном понимании, пытаются найти ему в уголовном праве или вообще вывести в целый кодифицированный обособленный документ, удивляют.

Обычно исторический опыт становится определяющим в современных новациях. Проступок в уголовном праве это не что-то новое, а ненадолго забытое старое. Периодические всполохи научных рассуждений давно пора прервать напоминанием о том, что попытки дореволюционного законодательства разделить все

преступные деяния на, например, тяжкие преступления, преступления и проступки (ст. 3 Уголовного уложения 1903 г.) это не что иное, как попытка дифференцировать преступления в зависимости от характера и степени их общественной опасности. Уголовный кодекс РФ справился с этой задачей на «отлично». Есть только одно «но» – постоянные и ничем не аргументированные изменения ст. 15 УК РФ «держат в тонусе» всю правоприменительную систему: сегодня это деяние средней тяжести, а завтра – тяжкое, а может быть наоборот.

Самой многострадальной стала категория средней тяжести, которая трижды меняла свои критериальные показатели. Так, изначально, с момента введения в действие УК РФ, ч. 2 ст. 15 звучала так: «Преступлениями средней тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы», т. е. неосторожные деяния могли быть трех категорий – небольшой тяжести, средней тяжести и тяжкие.

Федеральный закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ частично изменил срок максимального наказания в зависимости от формы вины – умышленные деяния остались с ранее действующей формулировкой, а для неосторожных было установлено максимальное наказание – свыше двух лет лишения свободы. Таким образом, неосторожные деяния стали делиться только на две категории – небольшой и средней тяжести.

Следующее изменение – Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ повысил максимальный срок наказания в категории небольшой тяжести (с двух до трех лет) и, следовательно, категория средней тяжести стала начинаться также не с двух, а с трех лет лишения свободы.

Но неосторожные преступления остались в двух категориях (небольшой и средней тяжести).

Возвращение к разделению неосторожных деяний на три категории (небольшой, средней тяжести и тяжкие) произошло в результате принятия Федерального закона от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ. К средней тяжести отнесены неосторожные деяния с максимальным наказанием, не превышающим десяти лет лишения свободы, а к тяжким – не превышающим пятнадцати лет.

Значение дифференциации преступлений очевидно. От принадлежности к той или иной категории зависит возможность освобождения от уголовной ответственности, сроки погашения судимости, особенности назначения наказания, применения освобождения от наказания и т.д.

Сравнение первоначальной и действующей редакций наглядно демонстрирует ужесточение уголовной ответственности за совершение неосторожных преступлений. Такие изменения противоречат заявлению о том, что в России «осуществляется системная и последовательная работа по гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики, дифференциации преступлений и индивидуализации наказаний...» [13].

Судебная статистика наказаний лиц, совершивших неосторожные преступления, тоже не отличается гуманностью – за период 2015–2019 гг. количество лиц, которым было назначено наказание в виде лишения свободы, в среднем составило 27%, лишение свободы условно получили в среднем 22%. При этом общее количество привлеченных к ответственности существенно не менялось (2015 г. – 11796 человек, 2019 – 11823 человека)¹, а

все неосторожные преступления относились к категории небольшой и средней тяжести.

Выводы

Для системной и последовательной работы по гуманизации уголовного законодательства необходима стабильность его системообразующих норм, к которым можно отнести ст. 15 УК РФ. Эта норма устанавливает дифференциацию преступлений или общую дифференциацию уголовной ответственности. Представляется правильным вернуться к делению неосторожных преступлений только на две категории – небольшой и средней тяжести.

Специальная дифференциация уголовной ответственности возможна только в рамках статей Особенной части УК РФ, т. к. именно там сформулированы составы преступления, в соответствии с которыми квалифицируются действия (бездействие) субъекта преступления. Основу специальной дифференциации также составляет общественная опасность, но не столько ее характер, сколько степень, и не только деяния, а и других признаков состава преступления (например, способ, мотив, цель).

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что, если формальная определенность является одновременно общеправовым признаком и основанием привлечения к уголовной ответственности, то общественная опасность характерна исключительно для уголовного права. Она позволяет не только отграничить преступление от правонарушения, но и дифференцировать преступления по категориям (общая дифференциация) и по видам составов (специальная дифференциация), т. е. является отраслевым и уже поэтому основным признаком преступления.

¹ Данные официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

Список литературы

1. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1904. 1125 с.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2020. 183 с.
3. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Книга 1. Учение о преступлении. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1874. 292 с.
4. Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–24.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский Язык, 1981. 816 с.
6. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 834 с.
7. Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
8. Уголовное право: история и современность (вопросы Общей части) / Т. Г. Даурова, И. С. Алихаджиева, О. А. Лиценбергер, Е. Ю. Сергеева. Саратов: ПАГС, 2009. 272 с.
9. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. 699 с.
10. Багаутдинов Ф. Н., Гаврилов М. А. Малозначительность преступления и мелкое преступление: сложности правоприменения // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 38–40.
11. Савельева О. Ю. Институт административной преюдиции в современном уголовном праве // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 168–170.
12. Попова Ю. Перестарались // Российская газета. 2017. № 7461.
13. Глава Верховного Суда России Вячеслав Лебедев: Предлагаем внести в закон понятие «уголовный проступок» // Российская газета. Федер. вып. 2020. № 231 (8285).

References

1. Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g. [Criminal Code of March 22, 1903]. St. Petersburg, Izd. N. S. Taganceva Publ., 1904. 1125 p.
2. Bekkaria Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah [About crimes and punishments]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 183 p.
3. Tagancev N. S. Kurs russkogo ugolovnogo prava. Chast' Obshchaya. Kniga 1. Uchenie o prestuplenii [Course of Russian criminal law. The General Part. Book 1. The Doctrine of Crime]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1874. 292 p.
4. Prozumentov L. M. Obshchestvennaya opasnost' kak osnovanie kriminalizacii (de-kriminalizacii) deyaniya [Public danger as a basis for criminalization (decriminalization) of an act]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 4, pp. 18–24.
5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 1981. 816 p.
6. Kuznecova N. F. Izbrannye trudy [Selected works]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2003. 834 p.
7. Piontkovskij A. A. Uchenie o prestuplenii [The Doctrine of Crime]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 666 p.
8. Daurova T. G., Alihadzhieva I. S., Licenberger O. A., Sergeeva E. Yu. Ugolovnoe pravo: istoriya i sovremennost' (voprosy Obshchej chasti) [Criminal law: history and modernity (questions of the General part)]. Saratov, PAGS Publ., 2009. 272 p.

9. Marks K. Debaty po povodu zakona o krazhe lesa [The debate about the act of stealing the forest]. Sochineniya; Marks K., Engel's F. (ed.). Moscow, Politizdat Publ., 1955, vol. 1. 699 p.
10. Bagautdinov F. N., Gavrilov M. A. Maloznachitel'nost' prestupleniya i melkoe prestuplenie: slozhnosti pravoprimereniya [Minor crime and minor crime: the complexities of law enforcement]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice System*, 2018, no. 6, pp. 38–40.
11. Savel'eva O. Yu. Institut administrativnoj preyudicii v sovremennom ugovnom prave [Institute of Administrative Prejudice in Modern Criminal Law]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 2 (27), pp. 168–170.
12. Popova Yu. Perestalaris' [Overdid it]. *Rossiyskaya gazeta = Russian Newspeper*, 2017, no. 7461.
13. Glava Verhovnogo Suda Rossii Vyacheslav Lebedev: Predlagaem vnesti v zakon ponyatie "ugolovnyj prostupok" [Head of the Supreme Court of Russia Vyacheslav Lebedev: We propose to introduce the concept of "criminal offense" into the law]. *Rossiyskaya gazeta = Russian Newspeper*. Feder. vyp., 2020, no. 231 (8285).

Информация об авторе / Information about the Author

Сергеева Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права, Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Саратов, Российская Федерация
e-mail: elena_s33@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5409-6867

Elena Y. Sergeeva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Criminal Law, Povolzhsky Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russian Federation
e-mail: elena_s33@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5409-6867